

18+

Александр Марацуцов
Прорастая любовью. Лирика,
том 1

Александр Марацуцов

**Прорастая любовью.
Лирика, том 1**

«Издательские решения»

Марацуцов А.

Прорастая любовью. Лирика, том 1 / А. Марацуцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686712-3

Александр одинаково любит природу, людей и животных. И этой любовью пронизаны все его книги. Александр печатался в коллективных сборниках «Ступени», «Миры стихов», «Раскрыв все чувства», «Мы помним все». Книга «Прорастая любовью, лирика, том 1» является его третьей персональной книгой. Читатели уже могли ознакомиться с его книгами «Басни и притчи» и «Хроники, были, баллады».

ISBN 978-5-00-686712-3

© Марацуцов А.
© Издательские решения

Содержание

Люди	7
Поэты слышат шепот звезд	8
Дом стоит, окружённый памятью	9
Отпускает напряжение	10
Драка на танцах – десерт после вальса	11
Рюкзак – наш день	12
Они звучат, хранители гармоний	13
Углы, диваны, темные шкафы, —	14
Ветер тих над могучей рекой	15
Проникновение. Разрез	16
Кот под машиной. Холод и собаки	17
Даты неуловимы...	18
Грешны мы поздним примиреньем	19
Взгляд женщины... Всего меня	20
– Как поживаешь? Привет!	21
Оглянулся... Не надо было	22
Ребенок молится. Он шепчет о своем	23
Годы брошены картами	24
Паденье дерева, тяжёлый хруст ствола	25
Он! Однокурсник мой! Не может?! Может!!	26
Опера (неизвестная)	27
С ворчуном в электричке	29
На углу, на асфальтовой шкуре	31
Двое нищих на теплой трубе	32
Читая Гумилева	33
Женщина плачет	34
Тяжёлую корзину опустив	36
Выжжена вся восторженность	37
За трапезой жизни, долгим застольем	38
Любви покорны...	39
Кирпич лежал, уверенный в паденье	40
Брату, на пенсии купившему саксофон	41
Она случайна, эта встреча	42
Мы все глядим, и не в Наполеоны	43
Уход Учителя... Нет! Искреннего друга!	44
Осколки взорванных миров —	45
Год закрывает мой кусочек жизни	46
Весной дышу, как памятью живую	47
Весна царит над счастьем и войною	48
Над притяжением бывшего	49
Воск выгорел, остатки фитиля	50
Ты есть. Два слова жизнь дала	51
Л. З	52
Самоуверенность души	53
Отравлен старою обидой	54
Сирень стоит в кистях тяжёлых	55

Забота женщины, как теплый ветер	56
К этим ирисам нежным	57
Прощанье с солнцем	58
Серостью дождевою	59
Море волнуется, раз!	60
Как хорошо теперь, легко мне	61
Снимают хлеб. И в бликах золотых	62
Август выводит холодное утро	63
Дети по-прежнему самые умные	64
Печать луны на вечных небесах	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Прорастая любовью. Лирика, том 1

Александр Марацуцов

© Александр Марацуцов, 2025

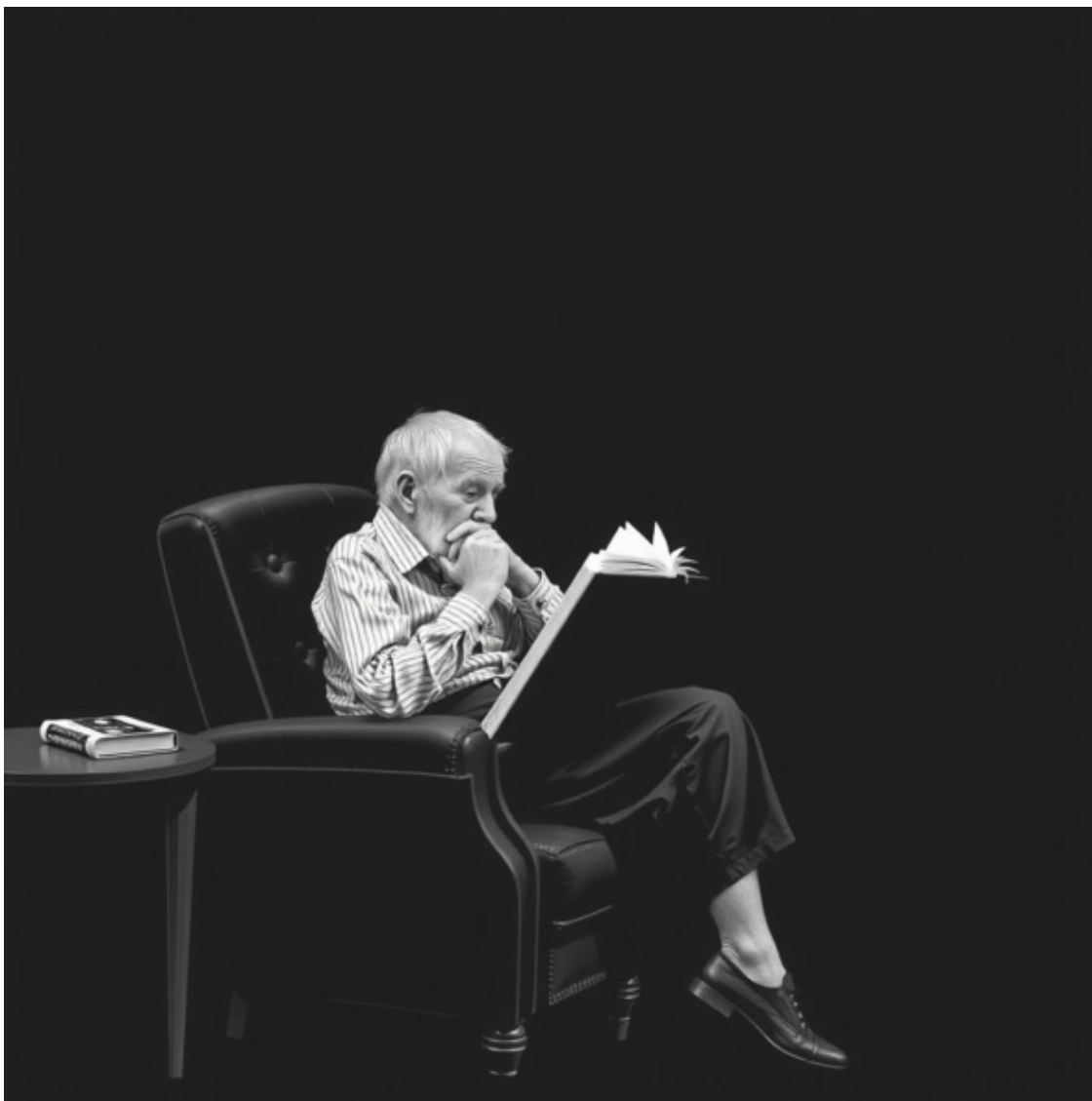
ISBN 978-5-0068-6712-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-6713-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди

*Рожденные предвечным светом,
В грехах земных скорбим о рае.
И к небу в искреннем обете
Сквозь плоть любовью прорастаем.*

Поэты слышат шепот звезд

Над вздохами ночного моря,
Когда в серебряном уборе
Блестит неба древний свод.

– Мы – свет погаснувших миров,
Мы – искры вечного движенья.
Родивший свет не знает тленья,
Как отблеск звездный – эхо слов
Живет в сердечном отраженьи.

Поэт молчит. И сны свои
Сшивает в летописи мира.
Сам, нищий на житейском пире,
Он знаки Времени хранит.

Дом стоит, окружённый памятью

Старый, старый облезлый дом.
Окна кривятся бурьми пятнами.
Пастью черной – дверной проем.

За спиною такси урчащее.
Мне бы мимо проехать, и все.
И быстрее к себе, в настоящее.
Только есть ли оно... вопрос.

Дом с прищуром глядит насмешливо.
Слышу этот вопрос в упор.
Не забылось ли, как невежливо
В окна лазил я, словно вор.

Как встречали меня отчаянно
Руки тонкие в темноте.
Время тикало тихим праздником
В теплом кубике старых стен.

И забыто, и предано многое,
И казнён я стократно собой.
Покружив непутёвой дорогою,
Возвратился...
Здесь был я живой...

Отпускает напряжение

Ежедневного времени.
Скрипом костным
Отмечен возраст.
И память сбросила
Камни вопросов.
Забывтой грустью
Растут из юности.
Так интересно
С собою встретиться!
Вот он под ручку...
О! Вспомнилось: Надя!
Подумай получше!
Уже целуются.
Не надо, не надо!
Вот идиот! Не верится.
Беги! Не туда! По лестнице!
Надо ж, такое вспомнится!
Что это было?
Молодость...

Драка на танцах – десерт после вальса

Рыжая Катька визжит – ей нравится.
Нам к стоматологу.
Обоим...
Для дружбы
Это не нужно...
А были, как братья...
За волосы эту бы Катьку!
В отпуске встретились как-то.
Расплакалась...

Рюкзак – наш день

Я тороплюсь набить
Его стихами вдруг сверкнувших мыслей.
Все чаще в них живет
Глагол «любить»...
И память светлая без дат и чисел...

Они звучат, хранители гармоний

Поет неувядающая скрипка,
И Томский удивляется графини.
Здесь Ленский смерть уверенно зовёт;
Там Германн убегает от безумья.

Нам все осталось...
Вечности Кристалл...
Он огранен надмирными умами.
Его не раздавить шутами сцены,
Измученными темною гордыней.
Бесплодные в бесплодности своей,
Хрустят картоном непотребных мыслей.
И, словно волки, воют
На могилы...

Углы, диваны, темные шкафы, —

Все для ребенка приключенье.
Забыты на столе карандаши.
Он – следопыт в лесу осеннем.

Шуршит листвой газета под столом,
В кладовке шорохи и тайны.
И филин скатерти крылом
Пугает трепетным касаньем.
Ни жив, ни мертв...
Но включен свет,
Ведут героя на обед.

Давно сказал ты детству «нет»,
Но жизни темные углы,
Чуланы грешной головы,
Ждут благодетельной руки,
Готовой сдвинуть складки штор.

И солнце, бьющее в упор,
Заставит щурить до слезы
Глаза счастливые... Увы!
Беда от взрослой головы.

Ветер тих над могучей рекой

Воды темные плещутся грустно.
Стайки лодок прижаты волной,
У причалов испуганно жмутся.

Может, это – артель удальцов
Поспешает со злою добычей,
Разогнав рыбаков и купцов,
Для дувана пристанища ищет.

Показались! Кружит, их узнав,
Ворон старый – разбоя приятель.
На плечо атамана садится, устав,
Чистит клюв о богатое платье.

Тот качнулся, спокоен и нем,
И ватажка под стать молчалива.
Видно, грустно бедовым, что чёлн
Променяли на плот без настила.

Вместо мачт все глаголы осин
Да пеньковые снасти на шеях.
Загребной – белокур и красив —
Рот в последней усмешке ощерил.

Ветер тих над могучей рекой.
К морю правит артель удалая.
И глядит на закат золотой
Птица черная – вестник печали.

Проникновение. Разрез

Заходит взгляд в чужую плоть.
Она колеблется дыханьем,
Она оставлена сознанием,
Как роем брошенная борть.

Спешит за скальпелем зажим
В мир воспаления и боли.
Все нервы слушаются воли.
– Тампон, тампон. Еще один.

Сестра снимает пот со лба:
– Что ж, есть талант за этой костью!
– Вы, доктор, гений иногда...
– Да бросьте. А с нитками у нас беда!

Кот под машиной. Холод и собаки

Его проглотит город, не заметив.
И дверца хлопнула некстати.
Бежать! Куда? Так неприветлив

Мир человека, но, однако!
Идёт к нему. В руках... Не уж-то?!
Обрезки, рыбы потроха!
Здесь завтрак и обед, и ужин!

Зимою в кошковых мехах
Жирка кусочек очень нужен!
Так посмотреть способны человеки.
Способны... могут снизойти.
Простим им гордости огрехи —
В тайник бы обрезь унести...

Даты неуловимы...

Стираются в полушариях.
Впрочем, и диск там старенький,
Весь шелухой забитый.
Но вот одно все яснее,
Словно окно открытое:
Домик, сирень, калитка.
Взгляд твой, такой весенний.

Грешны мы поздним примиреньем

Когда седая голова
Находит мудрые слова
И соглашается с прощеньем.

Но в сердце ржавчина обид
Ночами тяжкими болит.
Окалина далёкой злости
Уже валокордина просит.

Так многолетним эхом гнева
Нам отвечают наши нервы.

Взгляд женщины... Всего меня

От косточки до края мысли
Он понимает. В свете дня
Стоит так стебель серебристой
Полыни. Солнцем каждый листик
Просвечен до последней жилки.
Молчаньем взгляд не обмануть.
Темнеет он, предвидя горечь.
Но женский час, как ночи тьму,
Как ход луны, не остановишь.
Взгляд надвигается. Ты ловишь
Согласье к будущей беде.
Исчезло время, что ты, где?
Дождешься ли зари себе?

– Как поживаешь? Привет!

– Кто это?
– Память.
– Странно.
Я бы поспал. Работа...

– А мне вот поговорить охота.
Дата сегодня... из молодости.
Девочка, в мае... Не помнится?
Платье такое немодное.
Последний автобус в городе.
Все обещал!
Не верила,
Прощалась с тобой, как с мертвым.
Ты хоть любил?! А, может,
Как и сейчас – все ложно?!
Кости покрыты кожей!
Не отличишь от живого.
Думаешь, вырос умным?
Глупые твои думы!
Знаешь, без сердца разум.
Как-то и зол, и странен...

Пьешь корвалол... наивный!
Имя-то помнишь? Имя?!
Она вот ушла, безмужняя,
И помянуть бы нужно
Давно. Но сегодня дата.
Такие дела, ребята.

– Ты ведь не память, а?
– Может быть,
До свидания...

Оглянулся... Не надо было

Смотрела пристально.
Узнала.
Трусливо, быстренько
К автобусу с тыла,
Не видя номера, успеваю.
Мне нужно спешить, сессия!
Билетик клацаю.
Эх, невесело!
Многое сказано, многое...
Такое враньё убогое!
Одна надежда: забудется.
Мало ли с кем целуются!

Ребенок молится. Он шепчет о своем

Но часто слышится: о маме и о папе.
А мы кричим, не ведая о том,
Что, может, до сего дня и живем,
Хранимые молитвами дитяти.

Годы брошены картами

Вниз рубашкою.
Битые,
Сначала старшие.
Откозыряются
В гусарских мундирах, маститые,
Такие в усах молодежавые!
Потом и безликие,
Очень неважные.
Жизнь потянула ещё одну.
Верится: главную, долгожданную.
Карта открыта. Сколько там?
Тройка...
За будущий шанс свободно
Мы отдаем молодость.
Летим к пустоте на скорости.
Хрустнуло под колесами.
Что это было?
Совесьть...

Паденье дерева, тяжёлый хруст ствола

И треск кустов, под дубом погребенных.
Картина эта сердцу тяжела,
Как знак беды, ещё не проявленной.
Рванина белого излома из щепы
И лопнувшего корня тяж дрожащий.
В испуге замершая чаща
Немой стеною стала у тропы.

Подходишь. Кажется, переплетение рук,
Гора костей в раздробленных суставах.
И сердца своего печальный стук
Предчувствием надолго не оставит.
В природе грозное крушеньё: человек
Ведет себя явлением фатальным,
Судьбы намеком, на короткий век
«Царем природы», смертным изначально.

Он! Однокурсник мой! Не может?! Может!!

Вокзалы на посылках у судьбы!
Куриную запчасть в буфете гложет.
– Андрюха, ты?!
– Что? Сашка? Это ты?!
– На полночь поезд?! Саня, мы успеем!!
Жена встречает, тут недалеко.
Дружище, и накормим, и застелем.
И отвезем! Ах, чтоб тебя Санёк!!
Да вот она в проходе. Эй, Ленусик!
Сюда скорей, кого я тут нашел!
Ну, узнаешь?! На параллельном курсе?
В твоём альбоме был его стишок!
Да обнимитесь! Как столбы стоите!
Ну, что жена!? Красотка, правда Сань?
А помнишь, Лен, сердитый и побитый
На свадьбу нашу завалился, пьян.
С букетом черных роз, ну, сумасшедший!
Кто дарит черные цветы, чудак?!
Эх, молодец, что встретился! Конечно,
Мы не отпустим друга просто так!
Лен, карауль его, а я в багажный.

– Ну, здравствуй Лена...
– Здравствуй, мой родной...
– Я ухожу... Скажи ему, пожалуйста...
– Конечно... Ты прощаешь...
– Да... давно...

Опера (неизвестная)

Либретто (неизвестного)
Ария (известный баритон)

Разводится приятель,
Вспыльчив и не беден.
Она, конечно, дура, да какая!
Жила, его не понимая.

Серебряной не дожидался даты.
Что ж, выпорхнули дети,
Шатенка молодая
Заштопала израненное сердце
И оценила лёгкий интеллект.
Доверься!
Доверься ей умом и кошельком!

Глаз, губ, и бюста чувственный комплект
Отмычкой, ласковым ключом
Тебя, мой друг, с улыбкой вскроет.
Ты этого достоин!
Вскоре!

Вскоре! Пустую банкой загремишь!
И к прошлой дуре побежишь.
От вспыльчивости верное лекарство —
Взгляд юный с поволокой,
Где коварство
Седеющему взгляду незаметно.
Их столько!
Глупцов!! Самцов!! Чей опыт многолетний
Тщеславию мальчишки поддается

Ария (тенор)

О, поделом мне!
Справедливы судьбы!
Стою у двери, что захлопнул гордо.
Стучатся головой я буду
Об этот вот порог...
Его тогда напыщенным уродом
Перешагнул и крикнул!
Что я крикнул!? Ей, все прощавшей!!!
Верно, оскорбление...
Мог! Мог!!
Собаке бы открыли. Но мне...
Уйти... Куда уйти?!

(Дверь открывается)

Дама (контральто)

– Кто вы?

– Я? Я?

– Не знаю я, кто Я!

Хозяином был здесь когда-то,

В жизни прошлой.

Теперь какой-то тенью ложной

Стою перед дверями

Псиной виноватой.

– А я собак всегда жалела,

Пусть даже изгнаны за дело.

Последний шанс у всех быть должен.

Часто нам нравится лежачего добить

И быть в одеждах грозных прокурора!

– О, нет! Предатель хуже вора!

Приполз за малым шансом на спасенье

К супруге бывшей, словно уж.

– Так вы – тот самый бывший муж!! —

Она с печалью говорила

О многих радостных годах.

Я поменялась с ней квартирой.

Не стойте на пороге, есть хотите?

– Да!

С ворчуном в электричке

Не встречен мною человек,
Кто б в старческих годах, вздыхая,
Не сожалел о давнем мае,
О встрече с той, что (он-то знает):
– Дала бы счастье. Но пробег
Не открутить из прожитого.

Ещё друзья. Вот если б снова,
То не доверился бы им!
И в долг бы дал другим.
Другим!

Что за народ!
То заявленье на развод
Уговорили взять обратно.
И не дурак же был! Понятно?
Уехал бы на севера,
Ну, или сельдь в траулера
Таскал бы с Баренцева моря...

Потом бы дом с той, с Галкой, строил.
У ней же и «рука» в горкоме...
Участок поднял бы при доме,
А не в хрущевке с тещей... Ой!
Все, все не так!

– Старик, постой!
Из всех дружков один ты в парке
Гуляешь с пуделем и палкой.
Весь отутюжен, выбрит, чист,
А вид брезгливый, все ворчишь.
И недодаденного список
Готов пополнить. Дурень лысый!

Когда хирурги шили брюхо,
Ты умолял пожить немного.
Боялся: кончилась дорога.
В палате, не тревожа, глухо
В подушку плакала жена.
И как была он нужна!
Две дочки приводили внуков.

А все ль долги ты отдавал?
Не изменял, не воровал?
Не с книжки ль тещеньки ты смог

Закреть машину в гараже?
А друг, что так тебе помог,
Когда на нужном этаже
Менял свою квартиру срочно?
Не прав ты, дед, не прав и очень!
Любому жизнь даётся в долг!
И не родиться, не проснуться
Ты мог бы, мог.

Сказать ему? Он стар, неловко...
Да вот, и кстати, остановка.

Я вышел, бросил взгляд в окно.
Старик угрюмо и темно
Глядел в свои былые годы,
Уже не видя никого.
Прожил, тоскуя о свободе,
И почему-то жаль его.

На углу, на асфальтовой шкуре

Пальцев спички вжимая в гриф,
Пела девочка блоковский стих
О цветах, о шампанском, о буре.

Никого на сплетениях улиц.
Только спины идущих тел.
Голос бился меж наших дел,
Рикошетили рифмы – пули.

Я хотел над пустым футляром
Уронить золотой дублон
И, закрывши слезу плащом,
Взять билет Пионерский – Наварра.

Двое нищих на теплой трубе

Март качает синицу на ветке.
Люди пойманы солнечной сеткой,
Не торопятся на обед.

Первоцветов плывут острова
В белом дыме костров весенних.
Торопливо, под птичье пенье
Поднимает листву трава.

Память льется из-под годов
Талой струйкой, тревожа сердце.
К нищим, землю вминая берцем,
Молодой лейтенант идет.

Читая Гумилева

Он думал о хорошем и высоком:
О мастерской из рифмы и ума,
О цехе, где кирпичиками строки
Научит посвященный дока
Выкладывать. А там...

А там ученики, как эстафету,
Возьмут инструкций поэтических том,
И разбегутся волнами по свету
Новорожденные поэты...
Так поэтично заблуждался он.

Как дураков не сеют и не жнут,
Поэты всходят редко и неожиданно.
Как дураки, бывают странны.
Бредут одни в миру туманном
С вопросом: для чего живут?

И по себе всяк строит хату:
Саман, кирпич, душистый сруб...
Вдруг всех в бригаду соберут!
Пойдут учить, диплом дадут!
Глядь, из бомжа – высокий статус.

Голландцев «малых» цех каков!
Солиден, роскошь знатоков.
С одной семейки ремесло
Кормило многих лет по сто.

Но нет потомков у поэта.
И ремесла такого нету.
И репетиторов, увы,
Нет для бездарной головы.

Женщина плачет

О многом, о многом,
Плачет нежданно.
С чего? Без причины!
Мужчины, мужчины...
Это нестранно, очень нестранно.
Длинная, знаешь, дорога.
Вспомнилось...
Сердцу «забуди!» не скажешь,
Думы накатят,
Слезами окатят
Эти дожди соленые.

Снова растят укромное,
Горькое горе наше.
Он не хотел плохого,
Он не хотел оковы.

Спрятаны фотографии,
Кардиограммы, графики.
Тревожатся памятью,
А жены здоровыми нравятся.
Тушь на ресницах плавится.
Подкраситься нужно
К приходу мужа.

Пёс ждёт – психолог городской.
Ждёт, всех глазами пропуская,
Но вот вскочил, хвостом мотая,
И к женщине немолодой
С умильной мордой подбегает.

Та, чуть опешив, ставит сумки,
Шуршит пакетом, достает
Сосисок соевых пяток.
Помедлив и вздохнув разок,
Три отдает собаке умной
И треплет за ухом, пока
Та неприметно, в три жевка,
С мясной подделкой расправлялась.

Вдруг, спохватившись, побежала
К вокзалу щедрая душа.
Пёс, облизнувшись, не спеша,
Идёт на место, где, свернувшись,
Ждёт доброты, судьбе послушен.

Тяжёлую корзину опустив

Сажусь на ель упавшую, под ветер,
Где на меня, улыбчив и красив,
Вдруг набежал ирландец, рыжий сеттер.

– Что, заблудился, парень? Новичок?
Печеньку будешь? Где же твой хозяин? —

Я раза три надсаживал свисток.
Кружили по лесу – и к станции друзьями
Мы выходили, в думах о своем:
– Оставить в ночь, а волки? Нет, не дело!

Но тут:
– Пылай! – и с рослым мужиком
Пёс обнялся, скача, как угорелый.
Хромая, тот подходит со слезой:

– Спасибо, друг, а я, вишь, одноногий.
Уже щенком был нянькою, сестрой,
Пока лежал у смертного порога.
Шагнул бы в петлю, если бы не он.
Стонали и скулили мы на пару.
Ох, дал же ты, Пылаюшка, мне жару!
Беда с китайским поводком.

Мой поезд первым отворил вагон.
Они смотрели в окна, оба рядом
Махнули весело рукою и хвостом
На золотом перроне листопадном.

Выжжена вся восторженность

Все ожидания выжжены.
Бюсты, и верхний, и нижний,
Очень нескромны, огромны.
Два подбородка лишние.

С работы – артритным аллюром,
Пугаясь поломки лифта.
Жизнь пишется грубым,
Мелким, холодным шрифтом.

Женатые особи тянутся
Острою тяжестью.
В сердце останутся
Годы свинцовыми буквами —
С пробелами, точками, муками.
Другими – нечитанные
В томике без названия —
Жизни одно издание.

За трапезой жизни, долгим застоьем

Не ошибиться б нам блюдами.
В радостном своеволии
Ломтями, гроздьями, грудями —
Самое вкусное, сладкое.
Ложками, кадками!

Кровью и нервами,
Сношенным телом,
Дранными чувствами
Платим за вкусное.

Но умные
Не чавкают утром,
Не жадны в обед,
И мудрая старость – им на десерт.

Любви покорны...

Как не так!!
Любви мы требуем немедля!
Улыбка, море, есть контакт!
И в ложь два сердца полетели.

Старик, на улице упавший,
Угрюмо принял дружеские руки.
И, буркнув, не отряхивая брюки,
Торопится уйти
От доброты,
Над ним стоявшей.

Кирпич лежал, уверенный в паденье

На скате крыши дождевой.
Под ним походкой деловой
Шел человек в хорошем настроенье.

Брату, на пенсии купившему саксофон

Ты на полвека отложил свиданье,
И саксофон мог ногами остыть.
Пришла пора услышать, кто же ты.
Мелодий вечных трепетанье
К своей душе почувствовать касанье.

Она случайна, эта встреча

В блужданиях одиноких, полуночных.
Все не нарочно,
Все быстротечно.
Коснувшись кликами друг друга,
Мы разогрели монитора пластик.

– Здравствуй! —
Экранные сказали губы.
И грозю разомкнул контакт ночной.
Почти забыт...
Но вот я памятью убит:
Во сне ты встала надо мной
И улыбнулась.
Потерянное вновь проснулось.
Иль это отраженье
Сердечного томленья?

Мы все глядим, и не в Наполеоны

В себя глядим! В любимого себя.
От возраста капризного ребят
До старческого, жалобного стона.

Мы злимся снова памятью ошибок:
– А вот бы, если б, ох, же я простой! —
И уминаем жареную рыбу,
С любовью поданную к ужину женой.

Живые, сытые, в наглаженных рубашках,
Мы выставаем наглый счёт судьбе.
А ряд ровесников, печалась о тебе,
Лежат в оградках в тихом прахе.

Неблагодарность к жизни данной,
К рассветам равнодушный взгляд
И крики к женщине усталой, —
Так не прощаемо, мой брат.

Уход Учителя... Нет! Искреннего друга!

Прорехой страшною, ожогом на душе!
Он занял место в этом смертном круге,
К нему не достучаться нам уже.

И нет совета, старенькой улыбки,
Нет шёпота: «Как рада я звонку!».
И мы качаемся на льдинке жизни зыбкой,
Плывя в тоску.

Осколки взорванных миров —

Кристаллы голубые звёзд —
Нам плачутся о жизни краткой.
Но было в жизни все в порядке,
Когда звездой иль поэтом
Ты, умерев, остался светом.

Год закрывает мой кусочек жизни

Невозвратимый, личный, только мой.
Он никогда не встретится со мной.
Он пароход, уплывший от отчизны.
Я вижу гавань и суда на рейде
Без капитанов, в трепетных огнях.

Весной дышу, как памятью живою

Синеют вновь твои любимые цветы.
Прожитые зачем-то не со мною
Года... Что говоришь им ты?

Не каешься и выбором довольна.
Авто меняешь, шторы на окне.
Но, может, иногда, таясь, окольно
Ты узнаешь печально обо мне.

И хочешь бросить взгляд на это фото,
Где почерком родным: люблю, люблю!
И нашего романса ноты...
Который так давно я не пою.

Весна царит над счастьем и войною

Парит в лазури радостных небес.
Мы каждый день живыми бродим здесь,
В апреле солнечном. С тобою.

Над притяжением былого

Томится строчек ряд печальный.
Рассветы молодости дальней
Все холоднее и суровой.

Комфорту проданные годы —
Дешёвой плиткой на дороге.
И в платьишке, когда-то модном,
Ты плачешь в снах моих тревожных.

Воск выгорел, остатки фитиля

В его последней капле остывали.
Молитвами согретая земля
Несла нас в ледяные дали.
И было в одиночестве свежо.
Была уверенность в той просьбе улетевшей.
Ещё вчера, полусгоревший,
Мой путь стал жизнью напряжён
Тобою...

Ты есть. Два слова жизнь дала

За что такая щедрость, и не знаю.
Без масла ароматного салат
Из дней сухих жевал я, понимая
Грех одиночества – пустого бытия.
Но слышу ночью: «Я твоя».
И честь любить тебя, как счастье, принимаю.

Л. 3

Опять жизнь требует от сердца напряженья,
Но твердо говорит тебе: «Борись!».
Дары мои с благодареньем
Ты принимала. Поклонись
Ещё раз прожитому счастью:
– Я помогу тебе, Я жизнь!
Мы вместе выйдем из ненастья.

Самоуверенность души

С улыбкой память остановит.
С ней самолюбие не спорит.
Прилив к лицу стыдливой крови
Гордыню вылечить спешит.
И ты добрее к сердцу женщин,
К слезам, как будто неуместным,
К печальной ревности и вечным
Вопросам:
– Любишь? Счастлив ли?
Вняв прожитому, шепчешь о любви.

Отравлен старою обидой

Унылостью дыша и тленом,
Лежал он яблоком осенним
На жизни, что не знал, не видел.

Его подняли чьи-то руки.
Внесли к огню другого сердца.
И свежий сок под кожей грубой
Был выпит юною невестой.

Сирень стоит в кистях тяжёлых

И вечер пахнет только ими.
Он весь сиреневый и томный,
Он весь романсом сладким дышит.

Ломают юность цвет любовный,
В них прячет вспыхнувшие лица.
И полночь мая осторожно
Нам шепчет, что пора проститься.

Забота женщины, как теплый ветер

Как шерсть ангоры перед сквозняком.
Несчастен тот, кто с нею не знаком.
Он – сирота на ледяной планете.

Укрыться самому вечерним пледом,
Поставить турку тоже самому.
Не греет твид, не знаю почему,
И горек кофе за обедом.

Один... И сразу ты – предатель.
Не рассмотрел, не выбрал, отошёл,
Не поделился жизнью! Хорошо??!
А кофеек плитку вон залил, кстати.

К этим ирисам нежным

Опять тороплюсь я в прошлое.
Там, яркоглазая, прежняя,
Ты не отравлена ложью.

Цветы холодят ладони.
Все росные, свеже-открытые.
А главного и не помню:
Любила? Была ли искорка?

Разлука болела долго
И не прошла, наверное.
Может, ладонью холодной
Вырвать те ирисы с корнем?

Прощанье с солнцем

Время тихих слов.
Последний уголёк потушит море.
Качают сосны
Золото стволов.
И тысячи признательных историй
Готова слушать женская любовь.

Серостью дождевою

Небушко заволочено.
Я говорю с тобою,
Вечность, с той самой ночи.

Те же ветра остылые,
Листья цветными клочьями.
Ты уходила милою,
Я оставался сволочью.

Взгляды искрились ссорою.
Воздух с тяжёлой горечью.
Дверь ты закрыла гордою,
Перед мною, сволочью.

Предал любовь молчанием,
Не охватил прощением.
Дождь все рубил отчаянно,
Такой ледяной, осенний.

Море волнуется, раз!

Я открываю все чувства.
Море волнуется, два!
Смех твой такой искусственный.
Море волнуется, три!
– Будем друзьями! – небрежно...
Что-то в тебе упустил.
Наверное, нежность.

Как хорошо теперь, легко мне

Я двадцать лет боялся этой встречи.
Ты радостно узнала, громкой речью
Глушила, новостями о семье.

Смеялась, вспоминая выпускной наш.
О клятвах тех шутила остроумно.
Перетряхнув за полминуты сумку,
Хвалилась фото дочки, той, что старше.

И карандаш грозился номер мой
В блокнот надушенный запрягать.
Продиктовал и с цифрами, и датой
Другой...

Снимают хлеб. И в бликах золотых

Щетинятся поля обрезками колосьев.
Летят станицы голубей лесных
И крошки со стола земли уносят.
А солнце льет и льет лучи свои,
Как праздничные вина к урожаю.
И почерневшие крестьяне веселы,
И весел я, а почему – не знаю.
Чужим проходим обходя поля,
Трудом люблюсь вовсе незнакомым.
А, может, нет? И вся земля моя?
И я совсем не уходил из дома...

Август выводит холодное утро

С летом вчера попрощались стрижи.
Лето стареет и вянет, как будто
Осенью пахнут и утро, и жизнь.
Но впереди все созревшие чувства,
Вся успокоенность верной любви,
Жизни спрямленное главное русло, —
Все подарили мне годы твои.

Дети по-прежнему самые умные

Наши советы – смешные и пошлые.
Будущих лет не касается прошлое.
Правила смотрят замшелыми рунами.

Улицы, площади – радостно людные.
Музыка жёсткая, миру грозящая.
Юность – не старость, она настоящая!
Самые смелые, самые умные!

Не обмануться бы нам с осуждением.
Тихое море богатством не делится.
В бурную молодость больше мне верится.
В шторм, что и наше трепал поколение.

Печать луны на вечных небесах

Где звездный текст таинственно сияет.
И человек отчаянно гадает
О будущем, в ночи подняв глаза.
И вот твой путь – разлука и гроза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.